

КЕННЕТ РЕКСРОТ

Из книги «Новые стихотворения»

Перевод с английского АЛЕКСЕЯ ПАРИНА

Кеннет Рексрот не любит комментировать свои стихи, считая, что никаких комментариев не требуется, — его тематика общедоступна, а поэтическая речь ясна и проста. Книги Рексрота — от первого сборника «В какое время» (1941) до «Новых стихотворений» (1971, переизд. в 1973 и 1974 гг.), откуда взята эта подборка, — и в самом деле отмечены будничностью материала и прозрачностью, «спокойствием» стиха, которые он так ценил у одного из своих учителей, Уильяма Карлоса Уильямса. Читателю 70-х годов Рексрот может даже показаться чуть старомодным. Между тем в 50-е годы Рексрот был одним из вдохновителей «битников» — молодых поэтов, поднявших авангардистский бунт против идеалов и культуры «молчаливого большинства» тогдашней Америки. Ему многим обязаны самые талантливые из них: Аллен Гинсберг, Гэри Снайдер, Джек Керуак.

Кеннет Рексрот — поэт еще мало известный советскому читателю; взгляды в его творческую биографию. Сегодня он один из последних представителей поэтического поколения 20-х годов, а это поколение не признавало проторенных дорог и объявило беспощадную войну архаичности и безстрастному академизму. Это было поколение поэтов-урбанистов, бунтарей и искателей — достаточно назвать такие имена, как Ленгстон Хьюз или Харт Крейн. Рексроту передалась характерная для той эпохи обостренность переживания самых обыденных, казалось бы, явлений бытия, по-новому воспринятых свидетелями исторических потрясений невиданного масштаба.

И по сей день Рексрот сохранил это нешаблонное восприятие повседневного и непримечательного. Его сдержанная тональность по-прежнему скрывает в себе пафос поэтического поиска и недоверие к устоявшимся, признанным формам и стиховым принципам. Его простота обманчива. Она вовсе не синоним безыскусности. Это «сотворенная» простота, итог многих влияний и увлечений, характерных для всей американской поэзии XX века.

Путь Рексрота отразил то общее художественное движение, о котором сам он сказал выразительно и точно: «Отказ от всякой риторики и символичности в поэзии, возвращение к прямому высказыванию, простым и ясным образам, непретенциозным темам, приверженность такому материалу, который поддается проверке объективной реальностью, категорическое неприятие всего сентиментального. Думаю, что такова, по сути, творческая программа всякой настоящей поэзии».

Последнее утверждение, конечно, спорно — Рексрот исходит из специфически американского опыта. В программной «непретенциозности», создавшей особую поэтику с ярко выраженными американскими чертами, сказывались существенные особенности духовной жизни и культуры по ту сторону Атлантики: всевластие рационализма, непосредственность отклика литературы на текущие события, перевес конкретного над умозрительным и многое другое. Такая ориентация сопровождалась для поэзии и не-

сомненными приобретениями, и очевидными утратами. Творчество Рексрота подтвердило это, как и творчество большинства поэтов, с которыми он начинал в 20-е годы.

За полвека Рексрот не отступил ни от программы «прямого высказывания», ни от подчеркнутой — не без вызова — позиции общественной и творческой независимости.

Рексрот — очень типичная фигура для своего поколения. Он родился в 1905 году в небольшом городе Саут-Бенде, штат Индиана. Стихи он стал писать еще учеником художественной школы в Чикаго. Шли двадцатые годы. Отказавшись от мысли о солидном занятии и налаженном быте, Рексрот жил случайной работой, потом открыл в Чикаго кафе поэтов «Зеленая маска», где читал стихи вместе с юным Ленгстоном Хьюзом. «Красные тридцатые» застали Рексрота в Калифорнии, где он включился в стачечную борьбу докеров и затеял издание рабочей газеты; почти все материалы для нее он писал сам и сам же печатал газету на ротопринтере. Рексрот не стал социалистом, но свои левые убеждения он сумел сохранить и в тяжкие годы маккартистской реакции.

Понятно, что привлекло в нем «битников», начинавших во времена массового конформизма: Рексрот был одним из немногих, кто в годы «холодной войны» имел смелость выступить против истерии «обезличенной мстительности». Долгое время он почти не печатался, ушел в переводы из китайской и японской классической поэзии — следы этой серьезной работы, для которой были изучены языки и поэтическая культура Востока, явственны и в «Новых стихотворениях». Когда в 1956 году вышла, наконец, книга его собственных стихов, она прозвучала манифестом демократической американской поэзии, вновь осознанной своей насущностью в тревожном «контексте» того времени. Книга называлась «В защиту Земли».

Это заглавие точно формулирует главную тему всего, что написано Рексротом в последние десятилетия его творчества. Свидетель двух мировых войн, Рексрот необычайно чутко к той угрозе самой жизни на планете, которую десятикратно умножило изобретение современных средств уничтожения людей, животных, растений. Вместе со своими молодыми друзьями — «битниками» — он был участником знаменитых митингов против атомного оружия и антивоенных поэтических чтений в Сан-Франциско 50-х годов. Но в поэзии пути Рексрота и «битников» вскоре разошлись: если у многих из них бомба вызвала обреченные настроения, то у Рексрота сознание страшной опасности живому бытию оттачивало обостренность восприятия каждого человеческого существования, каждого зверька и росточка как единственного в своей неповторимости мира, который необходимо защищать.

Поздняя лирика Рексрота, представленная в этой подборке, затрагивает «вечные» для поэзии темы старости, последней любви, прощания с миром. Когда Рексрот пишет о вечности духовного бытия, не обрываемого физической смертью и лишь переключаемого в «иной универсум где-то поблизости», отчетливо слышатся отзвуки философских учений Востока. Но, пожалуй, еще отчетливее звучит в таких строках гуманистическая вера в нравственные силы человека, живущего в тревожном и все-таки прекрасном «универсуме» сегодняшнего мира.

В поэзии Рексрота очень сложно взаимодействуют — переплетаясь и борясь друг с другом — трагическая тема быстротечности времени, неизбежности распада и тема неисчерпаемости жизни, великого наследования, не прерывающегося тысячелетиями и противостоящего безумным устремлениям к войне, которая означает для мира самоубийство:

Годы проходят.
И вместе с годами проходят птиц поколения.
Но наблюдай зорче.
Те же самые сойки и зяблики
Были, сдастся, на том же месте
Для тысячи поколений людей.

(Перевод А. Парина)

Известно, что самые заурядные, годами не замечаемые вещи вдруг обретают новизну и подлинную свою значимость в минуту, когда привычное оказывается под угрозой исчезновения и тем более — насильственного уничтожения. Так и в стихах Рексрота: лунная белизна, которая заполняет глаза, силки паутины, запах морской травы, звуки дыхания — все это оказывается наполненным особым смыслом и особой эмоциональной заряженностью, потому что речь идет не просто о живописи словом, а о пульсировании жизни, увлеченном и пережитом с такой этической остротой именно потому, что слишком чувствуется опасность, нависшая над этим живым миром со всеми его бликами и тенями: «Ты слышишь? Мы дышим. Мы живы еще».

Рексроту не свойственны ораторские интонации, его стихия — камерность, приглушенность, полутона. Однако за его строками о плотном тумане между холмами и красных кленовых листьях на фоне дымной завесы заката ощутимо пусть и сдержанное по выражению, но по сути страстное отрицание «нулевой точки», к которой непозволительно близко подошло человечество. Иными словами, у Рексрота постоянно ощущима большая и особенно актуальная в наши дни тема — защита Земли, защита жизни. Трудно назвать его стихи жизнеутверждающими по тональности — скорее в них неослабная борьба горечи и надежды. Но побеждает все-таки надежда.

Поздний Рексрот — лирик, один из самых тонких лириков в американской поэзии наших дней. Как и прежде, он стремится к ясному образу и страшится всякой «сентиментальности» — настолько, что порою это оборачивается несколько суховатым стихом, который слишком выдает свою сконструированность согласно принципам простоты стиля и точности объективного свидетельства о мире. В творчестве Рексрота все заметнее японское влияние — достаточно прочесть такие стихи, как «Сутра цветов» или «Одна пустота», с их намеренной разделенностью образных рядов и даже изелированностью строк — сегментов, передающих мир каждый раз в каком-то строго обособленном мгновенье. Как и у японских мастеров, такие образные сгущения у Рексрота порою оказываются очень выразительными, но в сочетании с американским материалом этот прием все-таки выглядит несколько искусственным. Настоящая сила Рексрота как раз в целостности видения и главной темы. В способности словно бы наново открывать едва ли уже не исчерпанные поэзией темы, охватывая окружающий нас прекрасный и хрупкий мир естественной жизни встревоженным взглядом человека той эпохи, когда так реально угроза бытию на Земле и так настоятельна потребность противодействовать этой страшной опасности.

В подготовке этой подборки принимала участие известный переводчик и исследователь японской поэзии В. Н. Маркова.

А. ЗВЕРЕВ

Без единого слова

Молчаливые ветви застыли —
Жарко...

Распеленай свою душу
Мысли свои исповедуй мне
Что было с тобой
Что происходит сейчас...

Словно колокол,
В который никто никогда не звонил.

Смущенье чувств

Белизна луны заполняет пространство меж листьев,
Как музыка. Луной убеленный,
Воздух не движется. Белое
Лицо твое движется навстречу лицу моему.
Плотская грусть
Связует нас, как силки паутины,
Как созвучья, как тонкие запахи, как лунная белизна.
Твои волосы падают — и наши лица связуют.
Выпуклость твоих губ рядом с моими губами,
И рот мой чувствует мякоть твоего языка.
Летучая мышь врывается в лунную белизну.
Лунная белизна заполняет твои глаза,
И в них исчезают зрачки и радужницы исчезают —
Преодо мною сферы холодного пламени.
Как оленьи глаза,
Они блуждают поблизости, в пустынном лесу.
Твое худощавое тело в ознобе дрожит
И пахнет морскою травой.
Мы слушаем лежа
Звуки дыханья, одевшись белизною луны.
Ты слышишь? Мы дышим. Мы живы еще.

Мне снится Лесли

Ты вошла в сновиденье,
Явилась с огромными
Светящимися глазами
И зыбкими прядями темных волос
Из дали полустолетья,
Чтоб снова спеть мне
Песенку Кемпиона¹, которую мы так любили.
Я поцеловал трепещущую шею.
Не было и намека во сне,
Что ты по прошествии долгого времени
Так уж внезапно пришла
С лучезарной Еленой, белолицой Иопой² и прочими,—
Был только покой
Позднего послеполудня
Сострадательной осени
В юности дальней.
Я и думать забыл,
Что я стар, что ты бесплотна.

Воспитание

И вот к сухому склону холма,
К террасам его, где в прах известняк искрошился,
Где когда-то росли виноградники,
Подходит вплотную зябкий лиловый вечер
И заползает под кроны маслин,
И только цветки миндаля и первые звезды
Светятся. Ты говоришь,
И рука твоя тонкая с длинными пальцами,
Как веретенце света,
Движется, будто бы ты
Дирижируешь тихой музыкой.
Что говоришь в темноте?
Ты объясняешь мне все —
Рощи масличной заброшенность,
Старость разрушенных стен, которые Рима старше,
Цветенье миндальных деревьев,
Сгущение сумерек
Возле звезд и возле
Губ твоих говорящих и движущейся руки.

Уединение

Плотный туман оседает
Между холмов.
Из домика я выхожу.
Вы б ни за что не сказали,
Что лес окружает его.

¹ Кемпион Томас (1567—1620) — английский поэт эпохи Возрождения.

² Елена, Иопа — персонажи древнегреческих мифов.

Кольцами вьется туман, как дым,
В световой полосе из дверного проема.
Слышу: пыхтит енот
В неразличимой чашобе.
Холодная сырость ползет под рубашку.
Почудился шум от машины
На дороге в лощине внизу.
На ощупь в тумане иду
До края просеки ближней.
Не видно ни зги.
Вдруг в темноте
Слышу у ног
Любовные вопли мужчины и женщины.

Двойники

Мой дядя верил, что у него
В ином универсуме где-то поблизости
Есть двойник, чья жизнь
Жизни его во всем
Противоположна, ибо тот человек —
По другую сторону от нулевой точки.
И когда-нибудь им надлежит поменяться местами.
Совсем не во сне, а всего на мгновенье
В момент пробуждения, и тогда бы мой дядя
Улыбнулся особой хитрой улыбкой,
И замер, и после недолгих раздумий
Пошел по своим делам.

Красные листья клена

Кленовые листья сверкают
Над улицей в раме стволов.
Глубокие тени пропитаны
Воздуха ровным багрянцем.
Вскорости листья совсем облетят.
Бледное зимнее солнце
Будет блестеть на снегом укрытых газонах.
Здесь были мы юными оба,
Здесь мы любили друг друга,
Не по возрасту мудрые.
Время, равное двум человеческим жизням, прошло.
Мы двое — вот все, что осталось от давней поры.
Все остальные исчезли вслед за годами.
Мы не встречались с тобою с тех пор.
Сегодня сюда я впервые вернулся.
Я медленным шагом тащусь, твой дом огибая,
Возвращаюсь, стою у стены и вновь возвращаюсь.
За крыльцом, обрамленным колоннами,

Кто-то сидит у окошка.
Тащусь потихоньку к реке,
Глазею на малого с удочкой у парапета моста,
На поплавок в прозрачной воде
Меж палых плавучих листьев.
А после тащусь на запад, к дымной завесе заката.

Одна пустота

Время подобно стеклу
Подобно стеклу пространство
Сижу недвижимо
Бог весть где Что-то
Внезапно случается
Тихое шумное спокойное яростное
Змея сворачивается спиралью
Вокруг самой себя
Все вещи легко пропускают свет
А потом обретают прозрачность
А потом исчезают вовсе
Одна пустота
И нет ей границ
Одна бесконечно неясная
Песня
Свернутого спиралью мозга
И больше нет ничего

День твоего рождения в Калифорнийских горах

Ломаная луна на холодной воде.
Крики диких гусей высоко в небесах.
Дым от костра вторгается
В геометрию неба ночного —
Точки огней в бесконечности тьмы.
Я вижу — за узкой полоской залива
Твоя черная тень колеблется возле огня.
На озере, скованном ночью, кричит гагара.
Но миг — и весь мир замолкает
Молчанием осени, ждущей
Прихода зимы. Я вступаю
В круг огневого света, держа в руках
Кукан с форелями нам на ужин.
Мы едим, и озеро шепчет,
И я говорю: «Много лет спустя мы станем
Вспоминать эту ночь и станем о ней говорить».
Много лет прошло с тех пор, и снова
Много лет. Я вспомнил сегодня
Эту ночь так ясно, будто прошлую ночью она была.
А ты мертва вот уже тридцатилетью.

Сутра¹ цветов

Тень густая и сонная под широченными листьями,
К бурой равнине далёко внизу прилипли туманы.
Собираю цветы — клевер и лилии с золотым ободком,
Колокольчики и полевые гвоздики. Кукушка в горах
Мечется, видя меня, и кричит:
«Кёгонки!»²

*Земля небо море
деревья птицы
дом
звери цветы*

Раннее утро, стынь

Раннее утро, стынь,
Где-то в туманной мгле
Под горбоносой луною
Кричат призывно павлины,
Словно от боли.

Домик среди

Домик среди
Миниатюрного леса.
И всех-то событий что крики
Далеких павлинов и лай
Псов совсем уж далеких,
Да высоко-высоко
Лёт гомонящих ворон.

Прошлое и будущее отпали

Прошлое и будущее отпали.
Налицо лишь голубое и розовое
Мерцание безграничной
Поверхности моря.
Нет опоры для ног.
Времени нет.

Медленно поднимается месяц

Медленно поднимается месяц
Над спокойствием моря.
Медленно лицо любимой
Вырисовывается в памяти моей.

¹ Сутра — ритуальное изречение или свод правил.

² Цветы, приносимые в дар Будде (японск.). По народным поверьям, кукушка кричит буддийские изречения.

Безлунная ночь

Безлунная ночь.
В черной кромешности неба
Взгляду брести много миллионов миль.
Уныние заполняет сердце.

Весенние лужи дорогу дают

Весенние лужи дорогу дают
Траве молодой.
Сережки ветел у дома
Превращаются в распевающих птиц.

Заря на птичьем дереве

Заря на птичьем дереве.
И еще заря.
И потом еще одна.

После полночи

После полночи
Во мгле
Под зимними звездами
Усики льда
Ползут через ряску.

Годы проходят

Годы проходят,
И вместе с годами проходят птиц поколенья.
Но наблюдай зорче.
Те же самые сойки и зяблики
Были, сдается, на том же месте
Для тысячи поколений людей.

В темени леса шепот

В темени леса шепот
Миллиона листьев.
Над глубиною моря вздох
Миллиона волн.

Долгое время человеческой жизни

Долгое время человеческой жизни.
Народы на площади.
Распад человечества.
Выживает только кристалл —
Бесконечно малый —
Бесконечно большой...

